
Б р у к Д э в и с

Б р у к Д э в и с

ПОТЕРЯТЬ И НАЙТИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
Д94

Серия «Читать интересно!»

Brooke Davis
LOST AND FOUND

Перевод с английского *С. Анастасян*

Серийное оформление *В. Лебедевой*

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Zeitgeist Media Group Literary Agency, при участии Peacock
Consulting sprl.

Дэвис, Брук.

Д94 Потерять и найти : [роман] / Брук Дэвис ; [пер. с
англ. С. Анастасян]. — Москва : Издательство АСТ,
2015. — 256 с.— (Читать интересно!).

ISBN 978-5-17-086746-2

У семилетней Милли была вполне обычная жизнь — пока однажды мама... не забыла ее в супермаркете.

Забыла — или оставила?

Наверное, Милли в чем-то перед ней провинилась?

Чтобы найти ответы на эти вопросы и, конечно же, отыскать маму, девочка отправляется в рискованное путешествие по Австралии.

Милли думает, что стоит попросить у мамы прощения, и жизнь снова станет прежней.

Однако ее неожиданные и необычные попутчики — Карл и Агата — знают, что не все так просто. И еще — что ни одна боль не длится вечно, а без страдания не бывает и счастья...

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-086746-2

© Brooke Davis, 2014

© Перевод. С. Анастасян, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

*Моим маме и папе.
Не знаю, как еще благодарить
вас за то, что вы меня создали.*

Часть первая

МИЛЛИ БЁРД

Пес Милли, Рэмбо, стал ее самым первым Мертвым. Она нашла его как-то утром на обочине. Туман привидением кружил над изувеченным тельцем, и казалось, на него упало небо. Пасть и глаза Рэмбо были широко раскрыты, будто он лаял, левая задняя лапа изогнулась под странным углом.

Туман над ними поднимался, облака на небе сгустились, и Милли гадала: не растает ли Рэмбо в тумане и дожде?

Только когда она притащила собаку домой в своей школьной сумке, мама решила поведать ей о том, как устроена жизнь.

– Он теперь в лучшем мире! – объясняла она, перекивая вой пылесоса.

– В лучшем мире?

– Что? Да. В раю, милая. Ты что, про него не слышала? Вас вообще чему-нибудь учат в этой никчемной школе? Подними ноги. Он в собачьем раю, где собачьи галеты никогда не кончаются и собачки ходят в туалет где вздумается. Все, опускай. Опускай, говорю! Ну вот. Вместо кучек они повсюду оставляют эти самые галеты и целыми днями только и делают, что бегают и едят кучки других собак. То есть галеты.

Милли на секунду задумалась.

– А тут они что делают?

– Что? Ну... Сначала они должны все это заслужить, и только потом их заберут в лучший мир. Это как «Последний герой», только в собачьей версии.

– Значит, Рэмбо на другой планете?

– Ну... да. Вроде того. Ты что, и правда не слышала про рай? Ну, про то, что Бог сидит в облаках, а дьявол – где-то там под землей?

– А можно мне на новую планету к Рэмбо?

Мама выключила пылесос и уставилась на Милли.

– Только если у тебя есть космический корабль. У тебя он есть?

– Нет, – опустила голову Милли.

– Значит, нельзя.

Несколько дней спустя Милли выяснила, что Рэмбо вовсе не на другой планете, а у них на заднем дворе, кое-как прикрытый старыми газетами. Когда Милли аккуратно их приподняла, то увидела не того Рэмбо, к которому привыкла, а гниющего, сморщившегося, изъеденного червями.

С тех пор она тайно ходила к нему каждую ночь и сидела рядом, пока его тело превращалось в ничто.

Ее вторым Мертвым стал переходивший дорогу старик, которого сбила машина. Когда его отбросило в сторону, ей показалось, что он улыбнулся. Его шляпа приземлилась на дорожный знак, а трость завертелась в танце возле фонаря. А потом безжизненное тело рухнуло на тротуар.

Милли побежала вперед, продираясь через ноги охающих прохожих, и присела у его головы. Заглянула старику в глаза. Он смотрел на нее в ответ, будто нарисованный. Она коснулась пальцами его морщинок и подумала: почему их так много?

А потом ее от него оторвали. Велели закрыть глаза – ох, ведь она еще совсем малышка!..

По пути домой Милли решила, что пора спросить папу о человеческом рае.

– Послушай, дружок, есть рай и есть ад, – ответил отец. – В ад попадают плохие люди – ну, всякие там преступники, мошенники и дорожные инспекторы. А в рай попадают хорошие – как ты да я, да та приятная блондинка, которая готовит еду по телику. Что там делают? Ну... в раю, например, можно поболтать с Богом и Джими Хендриком, а еще и

наестся пончиков до отвала. А в аду придется танцевать макарену. Вечно. Под ту дурацкую песню из фильма с Джоном Траволтой.

– А куда попадет тот, кто и плохой, и хороший?

– Что?.. Э-э... не знаю. В «Икею»?

– Ты сможешь мне построить космический корабль?

– Погоди, дружок. Давай, когда реклама начнется.

Скоро Милли заметила, что всему вокруг нее приходит конец: жучкам, апельсинам, елкам, домам и почтовым ящикам, путешествиям на поездах, фломастерам, свечкам, пожилым людям, молодым и всем остальным.

Тогда Милли не знала, что как только в «Книге Мертвых» окажется двадцать семь существ (среди которых паук, птица, бабуля и соседская кошка Гертруда), ее папа тоже станет Мертвым. Не знала, что запишет его имя рядом с номером двадцать восемь, растянув слова «МОЙ ПАПА» сразу на две страницы. Не знала, что какое-то время не сможет делать ничего, кроме как смотреть на буквы, которые совсем скоро потеряют всякий смысл. И что запишет она его в книгу, сидя с фонариком возле родительской спальни и слушая, как мама притворяется спящей.

Первый день ожидания

Иногда Милли воображала, что они, как точки в раскрасках, соединены линиями. Себя она всегда считала Первой точкой. Маму – Второй, а папу – Третьей. Часто, когда они смотрели телевизор, линия выходила глубоко из живота Первой точки, оборачивалась вокруг двух других и снова возвращалась к Первой, делая из них треугольник.

Пока Милли бегала по дому, болтая огненными кудряшками, линии между точками обвивались вокруг мебели. Когда мама сказала: «Может, хватит, Миллисента?» – треугольник превратился в огромного динозавра. А когда папа ска-

зал: «Иди ко мне, дружок, присядь» – треугольник стал большим бьющимся сердцем. Бу-бум.

– Бу-бум, – прошептала Милли, неуклюже подпрыгивая в такт его ударам.

Она устроилась между Второй и Третьей точками на диване. Третья точка взяла Первую за руку и подмигнула ей. Сменяющие друг друга картинки в телевизоре освещали его лицо в полумраке. Бу-бум. Бу-бум. Бу-бум.

* * *

В Первый день ожидания Милли стояла точно в том месте, где ее оставила мама. Прямо рядом с Трусищами для Огромных Тетенек, напротив манекена в гавайской рубашке.

– Сейчас вернусь, – сказала мама, и Милли ей поверила.

Сегодня Вторая точка была в золотистых туфлях, поэтому, когда шла, эти туфли взрывались маленькими вспышками света.

Вот она идет к стойке с духами – бум! – мимо отдела с мужской одеждой – бу-у-ум! – и скрывается из виду – бабах!

Линия между точками натянулась, и Милли смотрела, как она становится все тоньше, превращаясь в бледный штрих.

Бу-бум. Бу-бум. Бу-бум.

Милли никогда не забудет мгновение, когда ее мама становится все меньше и меньше... Мгновение это будет то и дело возникать у нее перед глазами в течение всей жизни. Когда в фильме кто-нибудь скажет: «Сейчас вернусь». Когда ей будет за сорок и, глядя на свои руки, она вдруг поймет, как похожи они на чьи-то другие. Когда у нее появятся глупые вопросы, а задать их будет некому. Когда она будет плакать. Смеяться. На что-то надеяться. Наблюдать, как солнце садится над водой, и чувствовать необъяснимое волнение.

При виде раздвижных дверей в магазинах ей всегда будет не по себе. И когда она ощутит первые нежные прикосновения мальчика, то представит, как он исчезает далеко-далеко за горизонтом. Уменьшается, пропадает.

Но ничего этого она еще не знала. А знала то, что устала стоять. Милли сняла рюкзак и забралась под вешалки с Трусищами для Огромных Тетенек.

Мама рассказывала, что есть тетеньки, которые едят целые ведра жареной курицы, поэтому животы у них такие большие, что им не видно собственных трусов. Наверно, это для них шьют огромные трусищи.

Сама Милли никогда не видела ведер с жареной курицей.

– Но очень хочу, – произнесла она вслух, легонько касаясь шелковой ткани. – Когда-нибудь.

Там было хорошо – под огромными трусищами. Они висели у нее над головой, так близко к лицу, что их кружева подрагивали от ее дыхания.

Милли открыла рюкзак, достала пакетик сока, который положила мама, и выпила его через соломинку. В просветах между трусищами виднелись гуляющие туда-сюда ноги. Одни шли куда-то, другие – никуда. Одни пританцовывали, другие подпрыгивали, притоптывали и поскрипывали. Ножки, ножищи и обычные ноги. Кроссовки, каблуки, сандалии. Красные туфли, черные туфли, зеленые туфли. Не было только золотистых, и ничего не вспыхивало.

Мимо пробрела пара ярко-синих резиновых сапожек, и Милли покосилась на собственные.

– Знаю-знаю, – пробормотала она, – вам завидно. Но мама велела сидеть здесь.

Она вытянула шею и наблюдала, как резиновые сапоги вприпрыжку двигаются по коридору – прямым в отдел игрушек.

– Ладно, – вздохнула девочка, а потом достала из рюкзака свою «Книгу Мертвых», вырвала из нее страницу и написала: «Мам я сейчас вернусь».

Сложив листок пополам, Милли оставила его точно в том месте, куда указала мама. Сапожкам пора прогуляться.

Сначала она шла спокойно, вверх-вниз по эскалатору, затем – вприпрыжку и махала рукой, как королева своим подданным. После – сидела наверху эскалатора и наблюдала, как проглатывают друг друга ступеньки.

– А что будет, если они не успеют выпрямиться? – спросила Милли у своих сапог.

Она представила, как ступеньки переливаются через край эскалатора и затапливают все вокруг.

Милли встречалась взглядом с каждым, кто проходил мимо, и всё будто замирало, как в кино. Затем играла в прятки с мальчиком, который об этом даже не догадывался.

– Я тебя нашла, – сообщила она ему.

– А почему у тебя такие волосы? – в ответ спросил он и пальцем нарисовал в воздухе спираль.

– Они балерины, – заявила Милли. – Ночью спрыгивают с моей головы и устраивают для меня представления.

– Пф! – фыркнул мальчик и с громким «бам!» столкнул головами Барби и трансформера. – Не может такого быть.

Милли уселась на пол женской примерочной.

– Хотите, скажу, где найти трусы? – спросила она у тетеньки, которая крутилась перед зеркалом так, будто пыталась просверлить пол.

– Извините, вы кто? – ответила тетенька.

Милли пожала плечами.

За дверями соседней кабинки разговаривали еще две тетеньки. Милли видела их ноги под перегородкой. Одни – босые, а другие в блестящих уггах.

– Не хочу тебя обидеть, – говорили угги, – но коралловый – не твой цвет.

Пальцы на босых ногах поджались.

– Мне показалось, это розовый, – ответили они.

Милли сидела среди дяденок. Они дожидались своих тетенек и, как испуганные зверьки, выглядывали из-за гор пакетов и сумок. Стены здесь были оклеены огромными кар-

тинками с веселыми обнимающимися девушками в нижнем белье. Дяденьки украдкой на них поглядывали. Милли на секунду показалось, что именно для этих девушек продают огромные трусищи.

Она села на стул рядом с лысым дяденькой, который усердно грыз ногти.

– Вы когда-нибудь видели жареную курицу в ведре? – поинтересовалась Милли.

Он положил руки на колени и скосил на нее взгляд.

– Я просто жду свою жену, девочка, – вздохнул он.

Милли стояла под сушилкой для рук в туалете, потому что любила, когда теплый воздух продувает волосы. Она представляла, будто мчится в машине с опущенными окнами или, как Супермен, кружит над Землей.

«Вот это да! Откуда сушилка узнает, что ты подставляешь руки?» – мысленно восхищалась Милли.

Но тетеньки в туалете не разделяли ее радости, а только встревоженно глядели в зеркало, пытаясь понять, что с ними не так, пока этого не понял кто-нибудь другой.

Сидя в кафе возле цветочных горшков, Милли наблюдала, как от кружек с кофе поднимается пар. Дяденька, похожий на Санта-Клауса, и тетенька с очень-очень красными щеками придвинулись ближе друг к другу. Они ничего не говорили, а пар от кофе целовал и гладил их лица.

Другой дяденька ел, не глядя на жену, а пар от его кофе рисовал в воздухе красивые силуэты. Милли никогда не видела так много разных фигур. Интересно, а можно придумать какие-нибудь еще?..

У тетеньки с крикливыми детьми кофе устало вздыхал. Вдох – выдох, вдох – выдох. В углу сидел старик с морщинистой, как кора, кожей. У него были красные подтяжки и фиолетовый костюм. Старик крепко держал кружку двумя руками, словно боялся, что она улетит.

На цветок в горшке села муха.